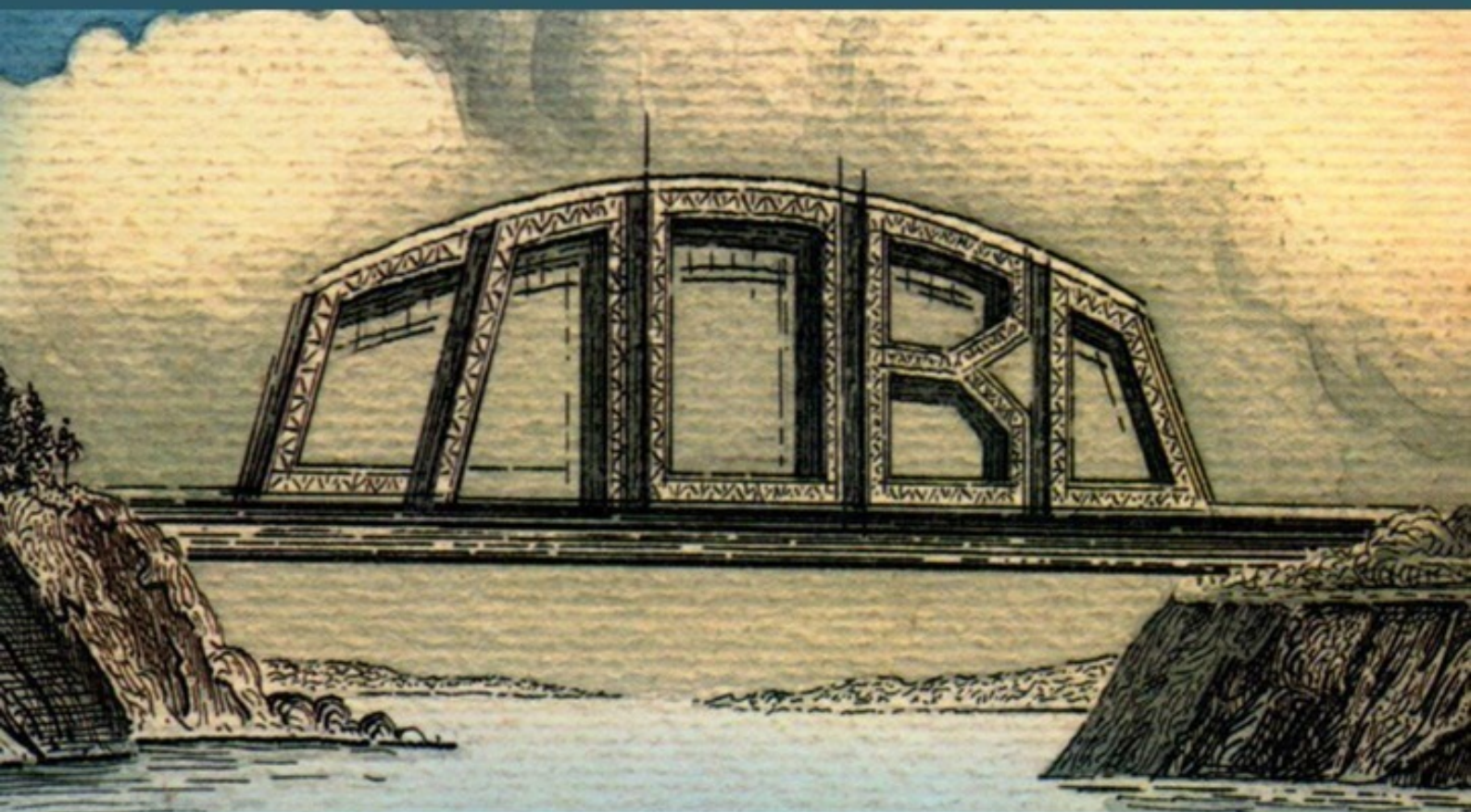

А. Локтюшин

САКРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Экология и этика

Александр Локтюшин

**Сакральная история
цивилизации. Экология и этика**

«Издательские решения»

Локтюшин А. А.

Сакральная история цивилизации. Экология и этика /
А. А. Локтюшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509533-6

В предлагаемой работе рассматривается развитие мировоззренческих систем через призму представлений о причинно-следственных связях, эволюция которых приводит к пониманию окружающего Мира как единого живого организма, что определяется как экологическое мировоззрение. Синтез предшествующих причинно-следственных представлений может быть осуществлен за счет проникновения за рамки формально-логических конструкций современного языка к динамическому и образному содержанию Слова.

ISBN 978-5-00-509533-6

© Локтюшин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Экология	6
Предисловие	6
Глава 1. Экология история цивилизаций	7
Причины и следствия	7
История	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сакральная история цивилизации Экология и этика

Александр Андреевич Локтюшин

© Александр Андреевич Локтюшин, 2019

ISBN 978-5-0050-9533-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Экология

Светлой памяти Родителей посвящается

Предисловие

Вместе с освоением информационных технологий в конце XX века произошло осознание необходимости коренных изменений в мировоззренческих установках, ибо стала очевидной несостоятельность вероятностно-статистического подхода к описанию окружающей действительности, под патронажем которого развивалась не только наука последних столетий, но и вся культура. Никому, конечно же, не приходит в голову вернуться к идеологии жесткой механистической детерминированности предшествующего этапа культурного строительства. Потому, все более популярными становятся идеи представления окружающего Мира как живого организма. Собственно это обстоятельство и выдвигает экологические аспекты различных научных направлений в центр общего внимания. Хотя спекуляций на проблемах безопасности жизни и охраны окружающей среды, в связи с этим, предлагается невероятное количество.

Интегративность в описании Мира ощущается как необходимость и в связи с тем, что достаточно очевидной стала ограниченность взглядов на Природу как Реальную Действительность, без учета скрытых, непроявленных обстоятельств событий. Мир исполнен еще и Действительной Реальностью.

Экологическое мировоззрение, вероятно, наступает как результат синтеза предшествующих механистической и вероятностной парадигм. И здесь возникает существенное противоречие между традиционно используемым в практике Западной Культуры последних столетий формализованным языком определений повседневного обихода и необходимостью проникновения в содержательную структуру слова. То есть синтез новой мировоззренческой системы это, в первую очередь, синтез формально-логически воспринимаемых терминов с их внутренним образным наполнением. Синтез Формы и Содержания.

Именно попыткой обратить внимание Читателя на скрытую за механистической Формой Слова, жестко регламентированной словарными определениями и языковыми правилами, трепетно-динамическую и не всегда уловимую структуру его Содержания и является эта работа. Иногда это делается в гротескной, может быть излишне гиперболизированной форме, но тем самым подчеркивается вторичная роль любого сочинения в конструировании индивидуальной личной системы мировоззрения. Слова учителей в лекциях и книгах всего лишь вероятные подсказки, которые и восприняты быть могут, лишь попав на подготовленную почву.

«Произнесенное еще не есть изъясненное», ибо «Слово изреченное есть ложь». И потому, Читатель, встретив затруднительные места в сочинении, сочти их за шутку. Или считай, что эта писанина просто пародия на многочисленную литературу последних лет, но без сарказма и желчи. Хаос переплетения блестящих идей и догадок с наивными домыслами и интерпретациями, вероятно, совершенно неизбежная ступень на пути создания нового мировоззрения.

Глава 1. Экология история цивилизаций

Причины и следствия

Вопрос существования истории как науки (по сути, должно звучать: историология) является достаточно дискуссионным. Многие профессионалы склоняются к мысли, что в истории вообще нет никакой логики и если можно говорить о некоторой степени научности, так только в части описательной, – т.е. историографии. Такой подход открывает широкие ворота для самых разных спекуляций на исторические темы. Действительно, поскольку предмет описательный, то для упорядочения фактов применима любая удобная схема по вкусу историка. Например, по правлению царей или династий, или по хронологии войн и т. д.

Но это касается последних исторических эпох, так или иначе освещенных в литературе. Более отдаленные от нас периоды обычно классифицируются сугубо материаловедчески: эпоха бронзы, эпоха железа и т. п.

Некоторые достаточно популярные исследователи (Гумилев, например) выводят исторические закономерности из наличия неких временных циклов в череде событий. Безусловно, эти наблюдения имеют высокую ценность, но причины процессов и явлений здесь приобретают некоторый оккультный оттенок. Возможно, мы еще не доросли до понимания некоего сокровенного знания и лишь потому такие конструкции не вписываются в логику современной общепринятой науки. Что ж, современный научный метод начинается всего лишь с эпохи Возрождения и, отличаясь свойственной юному возрасту дерзостью, вероятно, бесконечно наивен с точки зрения традиций, уходящих корнями в тысячелетия.

Среди различных научных школ второй половины ушедшего тысячелетия явно научным подходом оперировал марксизм, увидевший причинно-следственные отношения в производственно-экономической сфере. Это позволило создать некоторую систему отсчета, в которой кажущийся исторический хаос событий стал выстраиваться в определенные закономерности. Можно бесконечно ругать марксизм за его несовершенство, но он сыграл уже свою роль, благодаря которой здание истории как науки приобрело какие-то, хотя и смутные, очертания, а мировое сообщество вышло на новый уровень взаимоотношений.

В принципе, любая модель, в том числе и марксистская, имеет ограниченную область применения. Наиболее выпукло это заметно в естествознании, история которого показывает преимущество модельных подходов, когда более общая гипотеза включает предыдущую как частный случай. Вероятно, что ограниченность историологии марксизма происходит из некорректности распространения частных социальных закономерностей отдельной эпохи и в относительно узкой области человеческих отношений на весь исторический процесс.

Отрицание объективно закономерного хода исторических процессов является достаточно опасной тенденцией, о чем в свое время предупреждал еще И. Ньютон, говоря о фальсификации античной истории. В более поздние времена история не раз переписывалась в угоду отдельных династийных и корпоративных групп. Не составляют исключения и последние десятилетия, когда вольность историографического подхода широко используется в достижении целей национализма, шовинизма и религиозного фундаментализма. Последний термин, хотя и распространен, но явно неудачен, поскольку речь идет чаще об ортодоксальном фанатизме.

Интеграция мировых хозяйственных и культурных систем в единый организм, стремительно происходящая на наших глазах, с легкой руки С. Лема называется глобализацией. В сути своей этот процесс есть ни что иное, как создание единого (коммунального) хозяйства, возникновение которого как неизбежности предсказывал марксизм. Мировоззрение 20 века отказалось от механистического однозначного представления причинно-следственных связей,

на принципах которого только и могла быть создана марксистская теория, поскольку она естественное дитя своего времени.

На смену механицизму пришел позитивизм, для которого окружающий Мир есть царство случайных событий, где правят законы вероятности. Это наложило глубочайший отпечаток на всю систему ценностей. И даже в физике, где новые вероятностные описания проверялись принципом соответствия старым добрым законам, было много «выплеснуто младенцев с купелями вместе».

Здесь можно остановиться вопросом: а как же случилось поражение коммунистической идеологии, если мы стоим на пороге коммунизма или, пусть по-другому, глобализма? Недостаток любой идеологии заключается в том, что она всегда используется демагогами. Корысть личная ли, или корпоративная всегда умело облекается в соответствующие случаю одежды. И полчища лжепатриотов и лжесвященников искусно растлевают верующих, обретая для себя торговые поприща. Ибо большинство забывает, что Вера лишь инструмент подвижничества, а не огород для пропитания, где лжепастырям легко выращивать отравленные плоды. Впрочем, искусство демагогов достойно восхищения. Напёрсточники и строители пирамид процветают везде и всегда, цинично не скрывая обмана. Даже похваляясь открытостью его.

Несравненный классик марксизма добросовестно исследует анатомию рынка капитала и убедительно показывает, что «Империализм есть последняя стадия монополистического капитализма», причем самая тяжкая и изуверская. И именно эту социальную систему начинает претворять в жизнь под красивыми лозунгами о грядущем рае на Земле. Впрочем, Бог ему судия, может быть он, все-таки, искренне заблуждался.

Итак, жизнь естественным образом подвела к необходимости создания новой аксиоматической базы, нового мировоззрения, новой общенаучной парадигмы. Может быть, с некоторым даже опозданием, но зато отчетливо видно, что механистическое коммунизм должно, в силу принципа соответствия, вытекать из грядущего глобализма, как частный случай.

Впрочем, потребность в новой парадигме ощущается не только гуманитариями. Еще в большей степени это относится к естественным наукам, где процессы деления предметов и растущая специализация отдельных отраслей обратили естествознание в хаотическое нагромождение фактов, моделей, схем и ненужной информации.

Продуктивное личное или общественное творчество, которое, так или иначе, оказывается обращенным на познание окружающей действительности, независимо от сферы приложения, требует целостного подхода, т.е. общей системы отсчета ценностей. В противном случае неизбежно умопомрачение или шизофрения как индивидуальные, так и социальные. Роль такой общей системы в Новой Истории выполнял сначала механицизм, для которого мир был сложно устроенной машиной, между отдельными элементами которой существовали жесткие причинно-следственные связи, а затем – позитивизм, описывающий Реальность как систему случайных событий.

Ныне ни то ни другое не в состоянии упорядочить совокупность накопленного знания, но, с другой стороны, новой системе они должны соответствовать. Следовательно, наиболее общие принципы и подходы современной науки уже содержат элементы новой мировоззренческой системы, выделив которые можно попытаться сконструировать её самую. Это может оказаться и пустою забавой, поскольку новое знание, как в свое время показал И. Кант, не выводятся из известного логическим способом. Но, с другой стороны, нового принципиального знания может и не потребоваться.

Действительно, механицизм и позитивизм соответствуют диалектическому: тезис и анти-тезис. Доверившись диалектическому принципу, принесенному Гегелем из древнейших научных традиций можно ожидать, что следующей парадигмальной ступенью будет синтез двух предыдущих, который ответит на вопросы *что?* и *как?* Отсюда напрашивается вывод, что пер-

вый вопрос может соответствовать наиболее общей научно-практической задаче, а второй – наиболее общему научному методу.

В последней трети 20 века наиболее острой проблематикой науки становится экология. Почти сотня традиционных научных дисциплин прибавляют к своему наименованию приставку эко – или прилагательное экологическая. Причем экология, как предмет, давно уже утратила чисто биологический смысл, оставив его в себе как частность, и приобрела значение, соответствующее смыслу (самому общему) термина, положенного в название науки о доме. Прекраснейшая иллюстрация древней сентенции: «имя вещи – суть её судьба».

Фактически экология в самом общем смысле пытается исследовать окружающий мир как общий дом, т.е. общую систему, объединяющую в себе множество иных систем разного уровня сложности. Этот подход уже не машинный и, уж тем более, не вероятностный, хотя элементы того и другого явно присутствуют, но совершенно в другом качестве. Так вот, скорее всего, именно задача по имени Экология соответствует содержанию синтеза новой парадигмы из своих предшественниц.

Впрочем, содержание может быть и иным, соответствуя моменту. Фундаментальным является вопрос формы новой парадигмы, отвечающей на вопрос *как?* Здесь можно использовать только метод, прошедший все этапы развития науки Новой Истории в инвариантном сохраняющемся виде. Естественно, такой метод должен быть безразличен к природе описываемых явлений и событий, и в одинаковой форме применим в физике, химии, и в любых других областях. Существует ли такой метод хотя бы в физике всех времен? Ясно, что ни механика, ни термодинамика, ни электродинамика, ни квантовая теория поля и теория относительности такого метода не представляют. В противном случае нечего было бы обсуждать, так как любая из этих отраслей уже предпринимала попытки создания интегральной теории. Что может быть красивее вариационных принципов классической механики, законов термодинамики, уравнений Максвелла и прочее? А как увлекательны попытки создания единой теории поля.

Методом универсальным может быть только такой, который «работает» во всех упомянутых и не упомянутых отделах физики. И такой метод действительно существует – это теория колебаний и волновых процессов. Уравнения для механических колебаний и волн в упругих средах выглядят так же как уравнения, описывающие теплопроводность и диффузию, колебания в электрических цепях и распространение света. Квантовая механика построена на решении все тех же волновых уравнений, а общая теория относительности теми же уравнениями описывает распространение гравитационных волн. Более того, был период в развитии электродинамики, когда вопрос о среде, в которой распространяются электромагнитные волны, и задавать-то было не принято и неприлично (не научно как-то).

И действительно, вопрос о природе колеблющейся среды не имеет принципиального значения. Раньше всех это показал, вероятно, Л. Эйлер, когда пришел к выводу, что рассмотрение природы связей и структуры сплошной среды, в которой распространяются волны, не только не имеет смысла, но создает не решаемые в то время проблемы. Но задача вполне решалась, если среда представлена в виде пространства с определенными инертными и упругими свойствами. Волны, обладая относительной независимостью распространения, при сложении (интерференции), в определенных условиях образуют стационарные структуры напряженностей пространства, разбивая его на квантованные участки с новыми свойствами.

Например, электромагнитные волны с достаточно короткой длиной способны порождать элементарные частицы вещества. И, наоборот, взаимодействие частицы и соответствующей античастицы (аннигиляция) не оставляет после себя ничего кроме электромагнитного поля. Эти экспериментальные факты свидетельствуют об электромагнитной волновой природе вещества. Но и упругие волны в механической среде могут интерферировать с образованием сложнейших стационарных структур, вплоть до уровней, которые могут быть отнесены к разряду разумных систем.

Общность закономерностей колебаний и волн невольно приводит к заключению, что любые процессы и явления могут быть редуцированы к единой природе, каковой является электромагнитное поле. Что там в этом поле колеблется, можно было бы и не рассматривать, вынеся вопрос за «скобки» исследования. Интересно, впрочем, в этом отношении утверждение одной из древнейших научных традиций: «свет имеет природу пустоты, а пустота – природу света». По сути, на современном языке это означает, что свет, или в нашем толковании электромагнитное поле, есть ни что иное, как деформации пространства. Отсюда следует, что окружающий нас Мир есть сложно устроенная интерференционная картина или голограмма, в которой «все во всем» и «в капле воды весь мир». Такой подход дает мощнейший исследовательский инструмент, обладающий простым и красивым механизмом описания действительности.

Применим ли голографический подход к описанию биологических сообществ, т.е. к изначальному содержанию понятия экология? Оставляя в стороне квантовый характер взаимодействия отдельных «изолированных» (дискретных, индивидуальных) систем, в качестве которых могут рассматриваться и отдельные особи, будем пользоваться квазиклассическими категориями. То есть «среда» должна быть достаточно объёмной по сравнению с «объёмом» отдельной особи. В этом случае её можно считать «непрерывной». Эта среда должна обладать, по крайней мере, двумя фундаментальными свойствами: квазиупругостью, т.е. способностью к восстановлению самого этого свойства и инертностью, т.е. способностью сопротивляться изменению первого свойства.

Действительно, биосфера обладает мощнейшей реакционной способностью, с одной стороны, а виды её составляющие способны выживать, как правило, в широко меняющихся условиях окружающей среды, с другой стороны. То есть существуют определенные предпосылки для наличия колебательного процесса. Можно немедленно возразить, что значительная диссипация – рассеяние вещества и энергии в биосфере если и допустят такой процесс, то только в быстрозатухающей форме. И, спору нет, такие биосферные аномалии возможны. Однако следует отметить, что биосфера обладает явно нелинейными характеристиками, которые в сочетании с постоянно существующим источником подпитки, переводят её в разряд автоколебательных систем. Это обстоятельство является решающим для наличия колебательного процесса, но в некотором приближении, дабы избежать аналитических сложностей, можно ограничиться рассмотрением собственных колебаний биосферы. Тем более, что нас интересуют, пока, лишь качественные аспекты происходящих явлений.

Здесь следует отвлечься от основной темы, дабы подчеркнуть некоторые важные обстоятельства жизни биосферы. В масштабах планеты – это тоненькая пленочка на границе раздела земной коры и атмосферы. Активная часть биосферы, как правило, не превышает своей толщиной несколько десятков метров (леса), хотя некоторые признаки жизни встречаются и на глубинах в несколько километров и на высоте 10 километров (гуси во время перелета). Эти несколько километров по сравнению с радиусом планеты большим 6 тысяч километров, все равно очень малы. Жизнь на Земле «опирается» на литосферу – твердь земную. Но это тоже тончайшая пленка толщиной от 5 – 7 километров под дном океанов и до 40 – 50 километров под высочайшими горами. Жизнь, как видно, хрупка. Более того, всё живое на планете существует благодаря пропитанию, которое предоставляет в конечном итоге растительный мир. Последний, в свою очередь, питается, по существу, «химерой»: свет, который ощущается, но чем-то материальным не представляется (хотя это конечно не так), углекислота, которая в атмосфере едва достигает концентрации 0,3 процента и вода. Вода, конечно, вещь вполне материальная. Но результаты синтеза этих слабо ощутимых субстанций потрясают своей мощностью. По самым скромным оценкам за всю историю существования биосферы, масса вещества, побывавшая в её «обороте» более чем в 15 раз превышает массу земной коры.

Рассмотрим наиболее типичные колебательно волновые процессы в биосфере. Для ограниченной области (например, остров в море, или нет, лучше раскорчеванный под мичуринские огороды участок тайги под Томском) характерно интенсивное развитие специфической, в первую очередь растительной, биоты. Экологи называют растения и все виды производящие первичное органическое вещество – продуцентами. Вслед за продуцентами заселяются специфические консументы, – т.е. виды, питающиеся веществом продуцентов. Консументы на мичуринских вблизи Томска представлены, в том числе, и так называемой земляной собачкой – маленьким симпатичным хомячком, который доставляет мичуринцам массу огорчений, поедая множество культурных корнеплодов и корешков наземных растений.

Иногда у наших огородников просто опускаются руки. Вчера огурцы еще радовали зелеными упругими листьями и побегами, а сегодня все лежит чернея. Собачки поели сочные корешки. Конечно, огородники борются с хомячками, но успехов, как правило, мало. Можно подождать какой-либо эпизоотии, в результате которой они сами вымрут. Но в процессе параллельного существования огородников и хомячков явно наличествуют периодические процессы, сказывающиеся и на численности собачек. Безусловно, это сезонные и климатические особенности. Но существуют и собственные колебания: съев то, что доступно, собачки частично мигрируют на соседние участки, либо частично вымирают. В этот период восстанавливается кормовая база и грядет новое пришествие собачек.

Другой пример более обширной территории. Здесь уже можно наблюдать не только локальные колебания кормовой базы и её пожирателей, но и разбегающиеся волны голодных едоков. Волны преломляются, огибая препятствия – озера и горы, отражаются от них и .... интерферируют. В одних местах это приводит к тому, что они гасят друг друга, ну все съели и погибли от голода и холода, в других – усиливают друг друга. Последний случай яркая иллюстрация первому: пересеклись «волны» огородников и хомячков и численность грызунов возросла в тысячи раз. Для хомячков это уже не просто удача – это новая технология существования: не нужны более прочные резцы для разгрызания твердых корней. Да и мощные конечности ни к чему – огородники землю сами рыхлят и копают. Качественный состав вида меняется.

В этих примерах хорошо просматривается два механизма преодоления экологических проблем. И оба этих механизма имеют в основе своей волновую природу. Первое – это миграция (распространение) и второе – интерференция (возникновение нового качества). Важно здесь и другое. Собственные колебания локальной системы модулируются сезонными и прочими ритмами. В результате возникают явления, которые в радиотехнике называются биениями. Сочетание нескольких периодических процессов с близкими частотами приводит к тому, что вполне закономерно возникают периоды резкого возрастания амплитуд. Например, численности или подвижности. Поэтому наблюдения Гумилева о периодических закономерностях в Истории этногенеза являются фундаментальными и касаются не только и не столько причин собственных колебаний, но в большей мере интегральных эффектов.

Применим ли голографический подход к анализу Истории человеческого сообщества? Ведь все же вид гомо сапиенс – человек разумный. Сам по себе вопрос о разумности, обращенный к некоторым отдельным индивидам, а в отдельные периоды времени и к самому себе, представляется открытым и остродискуссионным. Тем не менее, исторический опыт показывает, что род человеческий мало отличается от остального животного мира. Та же суетливая беготня по земным просторам в поисках рая и та же суровая необходимость качественного изменения сознания и технологии бытия в судорожных попытках выживания.

История

Сколь продолжительна человеческая История? Более менее детально мы знаем о ней что-либо на отрезке в последнюю тысячу лет. И то здесь столько перелицовок в тех или иных интересах, что достоверно судить о фактах и событиях не представляется возможным. Что и говорить, если даже собственная личная История – биография, подчас приобретает в воспаленной памяти неестественную радужную окраску либо повергает в депрессию чередой прошлых неудач, потерь и болезней.

О более отдаленном периоде античности, не смотря на наличие даже письменных свидетельств, рассуждать еще сложнее. К тому есть определенные сомнения в самих источниках. Они ведь тоже писались людьми определенного настроения и во вполне определенные времена определенных систем нравственных оценок. Вот даже И. Ньютон усомнился, в свое время, в подлинности описания античного периода.

Сквозь туман исторической памяти взгляд рассеянный достигает глубин разве что в 10 – 12 тысяч лет. Что-то там, в Рамаяне повествуется о великом царстве Рама, положившем начало индоевропейской культуре, а остальное – это область Мифов, сказок, легенд.

Много ли, мало ли, 10 тысяч лет? А вообще ничто по космическим меркам. Если Вселенной 25 миллиардов лет, а Солнечной системе около 5, то, что такое 10 тысяч? Миг.... Может показаться, что мерой человеческого бытия это много. Но, увы. Если посчитать, сколько минуло поколений человеческих за этот период, то тоже оказывается мало. Даже если длину жизни человеческой мерить не веками (по сто лет), а лишь четвертями, то за 10 тысяч лет колен человеческих сменилось около 400. Ну что это? Даже на деревушку народу маловато. А вот же вместо памяти одни Мифы. Впрочем, сказки, вероятно, очень надежный способ передачи памяти о былом. Действительно, если в письменном документе можно историю сильно «поправить», то уж «написанное пером не вырубишь топором». Да и прочитать письмена, не каждому дано. Тут и буквы знать надо, да и смысл слов постоянно меняется. Короче, элитарный это способ, да ненадежный. За каждым переписчиком свой цензор стоял. Другое дело устный пересказ. Собрал дед детвору и травит байки о былом, наврёт с три короба. Да и беда ли то враньё, раз слушать интересно. А на другой неделе другой дед свое враньё на уши вешает. А там глядишь бродит это враньё по сёлам и весям, обрастает бородой как у тех дедов, да неожиданно во всех вариантах нечто неизменное (инвариантное) проглянет. Вот тут и задумаешься, а враньё ли это?

С другой стороны, мы то уж всяко «умнее» наших деревенских дедов. Вот уже и в космос полетели, от телевизора оторваться не можем. Во чего наизобретали. Куда им лапотным. Вот про телевизор. Стоп. А что это у Бабы-Яги было? Блюдечко с золотым яблочком катящимся. Куда уж точнее образ кинескопа с бегающим по экрану электронным зайчиком. А что еще-то у нее в сказках было? Ступа с помелом, – неужели ранцевый ракетный движитель? Да! Там у нее еще и избушка механизированная была – на «курьих ножках». Неужели все, что мы изобрели, уже было? А кто такая в этом случае Баба-Яга. Ну, баба это почти ясно, что такое. В славянских языках – это основа, фундамент или что-то тяжелое, крепкое. А Яга? *Йага*, если вспомнить, что *я = йа*. Тут уж совсем близко до *Йога*, и до *Йегова*, и до *Ева*.

И мифический персонаж устного эпоса обретает черты библейской праматери человеческой. Что интересно, так это то, что до 20 века Баба-Яга была исключительно положительным персонажем сказок. Стервозных типов и без нее хватало. В параллель сказкам о Бабе-Яге (но она же не всегда бабкой была) идет череда легенд о Златовласке, спящей царевне и т. д. и т. п. А вспомни Читатель веретено, которым укололась красавица, прежде чем заснуть? Не напомнило оно Тебе обычную медицинскую процедуру со шприцем? И вот уже История

начинает напоминать мучения похмельного синдрома. Что-то смутно припоминается, а потом память как отшибло. Надо же было так упиться.

Или другой случай. Уже упоминалось древнее утверждение: «свет имеет природу пустоты, пустота – природу света» Это из «Тибетской книги мертвых», посвященной вспоможению путешествию усопшего в мире ином. Атеисты могут не читать. Нудная книжка. Да и записана по преданию недавно. В 14-ом веке. И вот, набравшись терпения, читаю: «является усопшему в первый день яркий белый свет». И далее, нужно идти к нему и соединиться с ним. Вроде бы ерунда какая-то, хотя и в других конфессиях, что-то про яркий свет говорится.

Далее. Не всякому дано идти на яркий свет. Страшно. Тогда на следующий день является голубой свет. И опять все то же. Потом – желтый, потом – оранжевый. Ну ладно, мало ли что монахи понаписали. Далее начинают меркаться усопшему добрые и гневливые Боги. И надо подсказать покойнику, что это он сам во всех ликах своих и, поняв это, он сможет присоединиться к Буддам, и не надо будет уже рождаться, болеть, страдать и пр. и пр. Вот здесь остановился я. Уж больно знакомое что-то напоминает все это. Читаем заново: яркий белый свет, яркие цветные светА, «кривлянье» собственных ликов. Да ведь монахи описали процедуру восстановления голограммы!

Хорошая, «плотная» голограмма восстанавливается в белом свете. Голограмма с тонкой эмульсией требует для своего восстановления монохроматического (цветного) света. И уже беда, если голограмма зафиксирована на гибкой подложке. Восстанавливается всегда мало узнаваемый объект, и тот постоянно «кривляется» при малейших деформациях подложки. Но извините. Голография придумана в 20-ом веке. «Книга мертвых» записана (в который раз?) в 14-ом.

Но ладно. Пусть История повторяется. Где же следы, так сказать, вещественные. Что кроме наконечников стрел и бронзовых клинков? Это вопрос. Но не в серьез. Вот на территории Томской области в середине 20-го века исчезло несколько сот, наверное, деревень. И где же те села и нивы вокруг? Лишь кое-где бурьян и конопля напоминают нам о былом. А большинство уже сокрыто одеялом матерых осин и берез, да еще покой как на кладбище.

Это деревни. Сгорели. Сгнили. А долго ли живет камень? Если не растащили, то может несколько тысячелетий простоять узнаваемым присутствием человеческой суety. Железо ржавеет быстро. У бронзы больше шансов попасть в руки археологов. Но как же благородные металлы? Их то век долог. Находят. Только почему-то быстро стараются переплавить в слитки. Например, в золотого тельца. Уж сколько золота с церковных куполов и иконостасов собрали в двадцатые годы 20-го века. И где оно? А несколько тонн монет царской чеканки, вывезенных Козленком совсем недавно. Тоже уже переплавлены. Это то же своеобразная подчистка истории. Ну не серьезно, в самом деле, коронки и зубы тоннами хранить в цивилизованных банках. Слитки, другое дело.

Следы-то наверняка есть. Следопытов не хватает. Вот, например, недалеко от Новосибирска под Искитимом угольный карьер роют. Вскрышные породы представлены мощным слоем так называемой опоки, дисперсной (как пыль) кремнистой породы. Влажная она слонится, и на разделившихся поверхностях встречаются отпечатки древесных листьев. Никаких там папоротников, очень похожи на современные. И вот не могу отделаться от ощущения, что месторождение это мне что-то напоминает. И слоистость эта, и отпечатки листьев меж слоев. И дисперсность, и цвет. Ну, точь-в-точь как на золоотвалах современных тепловых электростанций. Что интересно, и состав химический как у золы. Если у предков была такая же примитивная технология как у нас теперь, то памятников подобного рода вблизи угольных месторождений (и не обязательно вблизи) должно быть довольно много.

Археологический феномен, трудно объяснимый логикой, составляют также подземные лабиринты, которые находят, чуть ли не по всему свету. Что к чему? Особенно поражают масштабы. То ли к ядерной войне готовились, то ли еще к какой напасти.

Но самый главный аргумент, в утверждении, что искать материальные следы исчезнувших цивилизаций дело почти безнадежное, прост. Вот представь себе Читатель, что Ты цивилизованный человек. И собралась компания цивилизованных людей на уик-энд пообщаться с природой. Естественно, после еды и питья тара осталась в значительном количестве. Но цивилизованные люди после себя мусор не оставляют. Хотя бы до ближайшей помойки, но дотащут. Или хотя бы прикопают. И вот я совершенно убежден, что если с нашей современной цивилизацией в ближайшие десятилетия ничего радикального не случится, то мы сами начнем методически разбирать то, что понастроили. Ибо это в основном мусор, мало пригодный для проживания цивилизованного человека. Бетонные и кирпичные дома трудно согреть, еще труднее остаться в них самим собой.

Разбирать, вероятно, придется и дороги. Уж больно от них вреда много. И памятники, как мертвые с косами вдоль дорог стоят. А перемещаться, наверное, и дешевле и приятней на планерах и дирижаблях. Что-то подобное в Махабхарате упоминается.

Итак, кое-какие следы исчезнувших Цивилизаций мы, надеюсь, сможем найти, если начнем искать не разбитые горшки, а суперсвалки былых мегаполисов. Но есть сомнение в том, что среди исчезнувших Цивилизаций большинство походило на нашу. Существует, вероятно, альтернатива. Опять же из мифов мы «помним» про скатерть самобранку, яства на которой возникали по желанию хозяина её. Или сладкую мечту лодыря с печки: «по-щучьему велению, по-моему хотению». Или дворцы, мосты и города, возникавшие по мановению волшебной палочки. Тот же город на острове Буяне для князя Гвидона, сына Салтанова.

Это кажется невероятным, но чем больше и глубже мы постигаем устройство этого мира, тем яснее становится, что самые совершенные компьютеры и манипуляторы у нас уже есть. Просто нам еще не объяснили, как их включать. Многие из нас и к обычному компьютеру не знают, как подойти. Но если Мир единая голограмма, то в ней все уже есть, и все было, и все будет. И любое желание может быть материализовано, если правильно подобраны частоты чувств, мыслей и если резонируют они с могуществом Мира. Тогда города и прочая и прочая утварь будут жить ровно столько, сколько нужно творцу их, а затем его же желанием обратятся в прах.

Не правда ли похоже на карету для Золушки? Но таких городов и следы их мы, скорее всего не найдем. Однако можем найти следы подражания. Например, я видел, что хозяин дворца, уходя, вынимает из ниши в стене некий стержень и на месте дворца остается лишь груда песка и мелких обломков.

Я не знаю голографических чудес, но у меня есть архитектурный талант. И я строю дворец с ключевым замковым камнем, вынув который разрушаю постройку. Подобно тому, как если из свода вынуть замковый камень, или просто по принципу домино. Вот на месте такого подражания тоже можно обнаружить следы «работы камнетесов». Но до уровня голографической цивилизации нам нужно хотя бы еще тысячу лет, пока не научимся варить суп из своих желаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.